

И. М. МАЛИЙ

НОВГОРОДСКАЯ ТИПОГРАФИЯ КРУЖКА „СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА“

Организованный в 1895 году по инициативе и под руководством В. И. Ленина „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ сыграл огромную роль в истории революционной рабочей партии.

В первой главе „Краткого курса истории ВКП(б)“, посвященной истории борьбы за создание социал-демократической рабочей партии в России (1883—1901), значение „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ кратко сформулировано так: „Под руководством Ленина петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.“¹ Это был по выражению Ленина „первый серьезный зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение“. Социал-демократическая организация начинает непосредственно практически участвовать в борьбе рабочих масс и руководить этой борьбой. Стачки 1895—1896 гг. в значительной степени были подготовлены деятельностью Ленина в петербургском „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“. Однако влияние петербургского „Союза борьбы“ распространялось не только на Петербург. По образцу петербургского „Союза борьбы“ построены были организации в целом ряде городов России. Так именно был образован кружок „Союза борьбы“ в Новгороде, а через несколько времени, в 1896 г., была организована здесь подпольная социал-демократическая типография.

Вся деятельность новгородского кружка „Союза борьбы“ и подпольной типографии была связана с рабочим движением Петербурга и направлялась в соответствии с указаниями петербургского „Союза борьбы“. Об этом (помимо других материалов) красноречиво свидетельствует и сохранившееся отношение директора департамента полиции начальнику Новгородского жандармского управления, от августа 1897 года. „При производстве по С.-Петербургу и некоторым другим городам наблюдения за членами преступной организации, присвоившей себе название

¹ „Краткий курс истории ВКП(б)“, стр. 18.

„Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, летом текущего года получены были указания на существование в город Новгороде особого кружка, находящегося в непосредственных ближайших сношениях с упомянутым сообществом. Дальнейшим наблюдением было установлено, что „Союз борьбы“, значительно ослабленный произведенными в настоящем году арестами, не признавая более удобным печатать и воспроизводить другими способами свои преступные воззвания в С.-Петербурге, обратился за содействием к некоторым провинциальным кружкам, снабдив, по видимому, последние средствами, необходимыми для устройства подпольной типографии, которая, по полученным за последнее время сведениям, и организована затем в Новгороде упомянутым выше кружком с целью печатания как произведений Союза, так и особого рабочего революционного органа газеты „Трибун“. Типография эта ныне приступила уже к работе и между прочим напечатала возмутительное воззвание под заглавием „Правое дело“, доставленное в С.-Петербург для распространения между рабочими.

Признавая в виду сего необходимым безотлагательно произвести ликвидацию упомянутого выше наблюдения как по С.-Петербургу, так и по другим городам, я командировал в распоряжение Вашего превосходительства состоящего при С.-Петербургском губернском жандармском управлении отдельного корпуса жандармов подполковника Леонтьева, коему поручено доложить Вашему превосходительству все факты, установленные наблюдением по настоящему делу в отношении Новгорода.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о производстве в порядке положения о государственной охране обысков и арестов лиц, список которых будет представлен Вам названным штаб-офицером, присовокупляя, что означенные следственные действия желательно произвести одновременно с таковыми же по С.-Петербургу, относительно чего подполковник Леонтьев снабжен надлежащими указаниями”.¹

* * *

Новгород, начиная особенно с 90-х годов, становится одним из городов, куда царское правительство высылает осужденных по политическим делам под надзор полиции.

В середине лета 1894 года из Петербурга в Новгород прибывает ряд лиц, привлекавшихся разновременно по политическим мотивам и высланных сюда под гласный и особый надзор полиции. В числе высланных были: б. студент Лесного Института

¹ Новгородский Архив. Дело № 7 за 1897 г. Новгородского губернского жандармского управления „Об отдельных действиях по делам дознаний о государственных преступлениях“.

Федор Бартольд, рабочий Николай Алюшкевич, привлекавшийся за революционную пропаганду среди петербургских рабочих в 1892—1893 гг., Раиса Тютчева, высланная под особый надзор (муж Тютчевой в это время сидел за революционную деятельность в Петропавловской крепости), а также Василий Талалаев, бывш. студент С.-Петербургского Университета. Последний был арестован в январе 1894 г. по делу революционного кружка, печатавшего социал-демократическую литературу на гектографе, и за распространение революционных прокламаций в связи с крупной забастовкой на Голодаевской суконной фабрике. Оказавшись в Новгороде, они быстро установили связь с другими политическими ссыльными и начали восстанавливать свою прежнюю революционную деятельность. В конце 1894 и в начале 1895 гг. Ф. Бартольд и Раиса Тютчева (Прибылева) сделали первую попытку создания подпольного кружка из политических ссыльных и местных работников. Но новгородским либералам и либеральным народникам казались слишком революционными взгляды этих политических ссыльных. Поэтому в силу всяческого сопротивления местных либеральных народников кружок не был оформлен тогда организационно.

В середине 1895 г. делается попытка создания уже подпольной СД организации. Инициатива принадлежала Василию Тимофеевичу Талалаеву, который принимал ранее тайное активное участие в марксистских кружках в Петербурге. „Я попал в Новгород,—пишет в своих воспоминаниях Талалаев,—прямо из теплого социал-демократического гнездышка (я входил в состав петербургских соц. демократических кружков, в которых работали Л. К. Агринская, А. А. Якубова, З. П. Невзорова, Г. М. Крижановский и другие), и был представителем русского воинствующего только что народившегося в России марксизма“.¹ Но эта инициатива Талалаева встретила большое сопротивление, как со стороны части политических ссыльных, так и особенно со стороны местных либеральных народников, которые в Новгороде в это время имели многочисленную группу. Упорное сопротивление либеральных народников против небольшой группы рев. марксистов в Новгороде не дало возможности организовать марксистский кружок. „Остатки народников всячески старались помешать распространению марксизма в России, повели борьбу против марксистов, стараясь их всячески опорочить“.² Не желая распылять силы и с целью разоблачения антиреволюционных взглядов либеральных народников, группа марксистов осенью 1895 г. согласилась организационно оформить кружок под именем „Общество либералов и радикалов“. В кружок вошли политические ссыльные, а из местных либералов бывш. ссыльный секретарь

¹ Из воспоминаний Талалаева. Красная Летопись № 3 (36) 1930 г., Ленинград. Истпарт, изд. Кр. Гвардия, стр. 241—69.

² „Краткий курс истории ВКП(б)“, стр. 20.

Губернской земской Управы Николай Ушаков, доктор Колмовской больницы Аптакман, зав. складом сельско-хозяйственных орудий Александр Яшкин и некоторые другие, всего 15 человек. Название кружка свидетельствует о том, что он по своему политическому составу был чрезвычайно пестрым. Разногласия поэтому не только не уменьшились, но еще больше обострились и должны были привести к неизбежному расколу. Собрания кружка происходили главным образом на квартире у Р. Тютчевой, где читали подпольные брошюры, журналы и происходил оживленный обмен мнений, доходивший до острой борьбы. Марксистская группа членов кружка требовала разрыва с либеральными народниками, среди нее особенно выделялся Василий Талалаев, который стоял за распространение в народе марксизма и предлагал издавать газету „Трибун“.

Разногласия в кружке принимали все более острый характер и особенно резко выявились на одном из собраний кружка в конце декабря 1895 года на квартире у Тютчевой. На это собрание в момент острых споров явилась группа революционных рабочих подпольщиков не членов кружка, которые выступили с революционными требованиями. Это и послужило поводом к началу раскола кружка.

С этим временем совпадает и начало организации подпольной типографии в Новгороде.

Талалаев еще с весны 1895 года начал работать в губернской типографии. На первый взгляд кажется странным, как политический ссыльный мог работать в типографии. Это произошло при следующих обстоятельствах. Смотритель губ. типографии как-то вызвал к себе Талалаева и сообщил ему: „Губернатор приказал мне организовать газету для освещения местной жизни... В сотрудиниках у газеты недостатка не будет... Все губернское чиновничество наперебой заявляет о своем желании сотрудничать в газете... Но все они безграмотны невероятно, безнадежно безграмотны. Вы попали сюда за прокламации. На заседании газетной комиссии губернатор предложил: „в корректора надо пригласить живущего в городе подпольного газетчика, работать он будет хорошо и язык будет держать за зубами!“ „Вы конечно сами понимаете, что не надо рассказывать анекдотов на счет губернаторской, вице-губернаторской и советнической орфографии“, — сказал мне Городецкий, сдавая в первый раз для корректуры пачку гранок и рукописи.“¹ Так поднадзорный Талалаев стал корректором губернской типографии.

Работая корректором типографии и участвуя в качестве сотрудирика в неофициальной части местных губернских ведомостей, Талалаев начал осуществлять свой план организации в Новгороде подпольной типографии. С этой целью, он, при содействии ча-

сти рабочих и служащих, систематически по частям доставал из губернской типографии шрифт для подпольной типографии. Шрифт и другие типографские принадлежности хранились в земском складе, которым заведывал Александр Яшкин, знакомый Талалаеву по кружку „либералов и радикалов“.

В начале 1896 года Талалаев ездил в Петербург для предварительных переговоров с работниками Шлиссельбургского района петербургского „Союза борьбы“. Переговоры велись через Колосову А. В. В результате этих переговоров Талалаеву сказали: „Типография нужна, действуйте энергичнее“. По возвращении в Новгород, он немедленно заказал одному кустарю типографский станок. „В земском складе, — пишет в своих воспоминаниях Талалаев, — я познакомился с кустарем кузнецом, жившим за 100 верст от Новгорода, в глухой волости. Я ему заказал разборный печатный станок, состоявший из складного талера, пары рельсов и тяжелого дубового вала, обтянутого на концах железными шинами.“¹ По изготовлении станок был доставлен на земский склад к Яшкину.

В этот же самый период старший чиновник для поручений А. П. Аксаков предложил Талалаеву взять работу в Губернском статистическом комитете. Предложение было принято. Сам Аксаков в статистике ничего не понимал. Статистический комитет помещался в Златоустовской башне Кремля, там же, где находился Новгородский музей древностей, которым также заведывал Аксаков.

Предложение Аксакова было очень удобным, принимая во внимание, что Аксаков давал в музее и квартиру. Летом того же года Аксаков предложил Талалаеву занять должность консерватора музея, вместо недобросовестно работавшего прежнего хранителя. Талалаев принимает и это предложение, заверив Аксакова, что и в области археологии он тоже кое-что понимает. После этих удачных соглашений произошло событие, сильно встревожившее Талалаева. К нему прибежал Яшкин и заявил, что все открыто, можно ожидать ареста и что его переводят в страховой отдел, а поэтому требуется немедленно убрать находившиеся у него на складе типографские принадлежности. В следующую же ночь имущество было убрано и спрятано в городском земляном валу, близ Десятиного монастыря. По настоянию нескольких осведомленных членов кружка либералов, решено было раз и навсегда здесь, на городском валу, похоронить еще не начавшую работать типографию. „Кончив погребение типографии, все ее участники шопотом дали обещание, что и про типографию и про место, где она зарыта, они забудут и ничего о ней поминать не будут на веки-веков.“² В дальнейшем, однако, выяснилось, что никакой опасности никому и ничему не угрожало. Члены кружка

¹ Красная Летопись № 3 (36). 1930 г. Лен. Истпарт, стр. 241—269 и архив УНГМ, дело № 4, 1938 г.

² Там же.

¹ Из воспоминаний Талалаева, Красн. Летопись, № 3 (36) 1930 г. Лен. Истпарт, стр. 241—269.

„либералов и радикалов“, посвященные в намерение Талалаева по организации типографии, испугавшись, что и они могут быть заподозрены в этой подлинно-революционной деятельности, спровоцировали угрозу ареста.

Член губернской управы старик Прокофьев говорил Талалаеву: „В ваших делах, Василий Тимофеевич, вам никто не указ, но только прошу вас, не вмешивайте в свои революционные замыслы ни земских учреждений, ни ребят, служащих там. Грех вам будет, если что случится по вашей вине“. ¹ Талалаев заверил, что он забыл обо всем и не имеет в виду возобновлять попытки организации подпольной типографии. Но в одну из ночей перенес похороненную типографию саженой на сто от прежнего места, тщательно смазал железные части бараньим салом и покрыл своим резиновым плащом, предохраняя от сырости. Теперь новое место хранения типографии знал только он один.

С этого времени Талалаев начал учиться печатному искусству у лейпцигского мастера, приглашенного в Новгород для улучшения типографской продукции. Учиться приходилось осторожно, не вызывая подозрения. Словоохотливый немец, посещая музей, расспрашивая о музейных предметах, не мог не поделиться и своим искусством.

Летом 1896 года, после крупной забастовки ткачей на Невской стороне, вспыхнувшей в связи с отказом фабрикантов оплатить рабочим за коронационные дни, в течение которых заводы не работали по требованию фабрикантов, петербургский градоначальник наряду с обысками, арестами и другими репрессиями организовал массовую высылку рабочих из Петербурга. Сотни рабочих с женами и детьми шли толпами по московскому шоссе через Новгород, направляясь в свои места. Итти пешком заставило их безденежье после вынужденной безработицы. В числе этих рабочих шел чрез Новгород и рабочий Василий Евграфович Змеев, привлеченный и выселенный из Петербурга за то, что был посредником между Ульяновым (В. И. Лениным), Крижановским Глебом и Иваном Федоровым по устройству конспиративной квартиры на Васильевском острове „для противоправительственной пропаганды среди рабочих, а также за то, что принимал участие в работе кружка за освобождение рабочего класса“ ². Действительно, при содействии Змеева, „в квартире рабочего главного адмиралтейства И. Федорова с участием В. И. Ленина проходили совещания членов петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ и рабочие собрания. Кроме В. И. Ленина на этих совещаниях и собраниях участвовали Г. М. Крижановский, М. Названов, И. В. Бабушкин, Н. Г. Полетаев и другие. Есть сведения, что здесь же В. И. Ленин

¹ Там же.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. I, первое издание. Приложение № 13. Доклад по делу о возникновении в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружков лиц, именующих себя соц.-демократами.

занимался в рабочем кружке. ¹ Это свидетельствует о том, что Змеев, будучи еще в Петербурге, вел большую работу в кружках „Союза борьбы“.

Прибыв в Новгород, Змеев быстро установил связь с Талалаевым, которого информировал о событиях в Петербурге. Он подробно рассказал об огромном значении петербургской стачки и что только после полуторамесячной борьбы истомленные голодом 30 тысяч петербургских текстильщиков прекратили стачку. Подытоживая свою беседу, Змеев особенно подчеркнул, что организованное и солидарное выступление 30 тысяч текстильщиков, руководимых „Союзом борьбы“, показало, какой несокрушимой силой станет организованное социал-демократическое движение.

Тут же он напомнил Талалаеву о необходимости организации кружка по образцу „Союза борьбы“ и в Новгороде.

Талалаев об этой встрече в своих воспоминаниях пишет, что он встретил „среднего роста мужчину лет 25, стройного, крепко сложенного, с удивительно правильными чертами лица. Смуглое лицо его со слегка горбатым носом было по скулам и подбородку опущено черным мхом. Он спокойным баском рассказывал про забастовку. Это был Василий Евграфович Змеев, слесарь-монтер с завода печатных машин и словолитни Гольдберга“.

Эта первая встреча Змеева с Талалаевым показала и то, что Змеев дальше Новгорода не собирался итти, очевидно будучи подробно информирован из Петербурга о работе по организации подпольной типографии в Новгороде группой социал-демократов во главе с Талалаевым. Об этом свидетельствует и тот факт, что он шел в Новгороде для установления связи по довольно точным следам и он действительно в тот же день эту связь установил. После этого работа закипела по-новому.

Из всех имеющихся материалов видно, что роль Змеева в дальнейшем ходе развития и оформлении кружка „Союза борьбы“ была ведущей. Если на это и нет прямых указаний в материалах архива, то из действий Змеева в Новгороде можно предполагать, что он имел прямое указание петербургского „Союза борьбы“ способствовать и направить деятельность Талалаева и др. на скорейшую организацию подпольной типографии, имеющей в виду печатание литературы для Петербурга.

Через месяц, в дождливую и темную ночь, с земляного вала типографские принадлежности Змеевым и Талалаевым были перенесены в здание музея, где жил Талалаев, и помещены в его квартиру.

Осенью 1896 г. в Новгород приехала Колосова и сообщила о крупных арестах среди петербургских социал-демократов, вхо-

¹ Ленин в Петербурге. Ленингр. Институт ист. ВКП(б), 1939, стр. 36.

дивших в состав „Союза борьбы“. „Разгром произведен основательный, торопитесь с пуском типографии. В следующий приезд я привезу вам материал для печати. В Петербурге товарищи ждут начала работы типографии“.

Именно с момента приезда Змеева в Новгороде окончательно оформился кружок „Союза борьбы“ в составе Змеева, Талалаева, Алюшкевича, Яшкина и др., который повел решительную борьбу с народниками.

Перед этим кружком стояла серьезная задача — помочь петербургским товарищам в их революционной деятельности. Нужно было спешить. Талалаевым был заказан сундук для „белья“, с рамками, а также ящики для „музейной коллекции“. В этих ящиках и сундуке предполагалось хранение типографии. Работа и хранение намечались в комнате Талалаева, в здании музея.

Пока столяр делал сундук и ящик, Талалаев сортировал шрифты по буквам, выяснял нехватки и пополнял их.

Но как раз к этому времени Талалаев был снят с работы корректора в губернской типографии за то, что набрал объявление с жирным, выделяющимся заголовком об организации в Новгороде случного пункта для скота рядом с отзывом о концерте какой-то приезжей опереточной актрисы, автором которого был старший чиновник особых поручений Тран. Эта особа, жившая во внебрачной связи с каким-то великим князем, истолковала помещение рядом с отзывом о ее концерте объявления о случном пункте, как намек на свой счет. Была устроена сцена жене губернатора, посетившей актрису с визитом. Губернаторша устроила сцену своему мужу, губернатору. Газете был сделан выговор, о чем довели до сведения „оскорбленной“. Правда, после этого инцидента газета продолжала работать, но Талалаева там уже не могло быть. Да это уже и не нужно было. Подпольная типография была готова и надо было приступить к работе.

Не посвящая никого в свою деятельность, Талалаев и Змеев по ночам начали подготовительную работу к печатанию. Оборудовав окончательно машину типографии, Змеев уехал в Петербург, чтобы установить связь с кружками „Союза борьбы“, главным образом Путиловского и других заводов. Эта линия связи, по утверждению Талалаева, была изолирована от связи через линию, где работала Колосова, которую Змеев не знал. По Путиловской линии связи работали слесарь С.-Петербургского арсенала Федор Иванович Снятков и Александр Павлович Ильин, рабочий порта Нового Адмиралтейства. Из архивных материалов, а также воспоминаний и самого Талалаева видно, что связь по линии рабочих кружков петербургского „Союза борьбы“ велась исключительно Змеевым и была в известной степени скрываемая даже от Талалаева. Например, Талалаев Ильина видел только один раз, а Сняtkова и вовсе не видел. Ильин и Снятков приезжали в праздничные дни по делу типографии в Новгород, привозили материал для печатания и увозили готовую продукцию.

Работу типография начала 20 ноября 1896 года. Вот что пишет об этом Талалаев в своих воспоминаниях.

„Глубокой осенью я и Змеев отпраздновали открытие социал-демократической подпольной типографии. Я для торжества купил закусок, бутылку легкого вина (оба мы были трезвенники), сладостей, вскипятили чайник. Я набрал титульными буквами боевой клич социал-демократии: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ а под ним внизу: „напечатано в подпольной социал-демократической типографии 20-го ноября 1896 года“. Змеев лопаточкой мазнул краску на большой кафель (из музейных экспонатов) и раскатал ее валиком, потом прошелся последним по набору, я смочил губкой лист и наложил его на форму. Змеев прижал его доской, обтянутой в три раза сукном, я снял лист. Мы посмотрели на плакат, потом друг на друга, и это вышло само собой, — обнялись, крепко поцеловались. Типография родилась“.¹

В марте 1897 г. работа типографии началась печатанием „Устава Центральной Союзной Рабочей Кассы“, доставленного Колосовой. Набирал Талалаев, печатал Змеев. По линии Путиловской организации было решено печатать газету „Трибуна“. Ильиным был привезен материал для газеты, на основе которого Талалаевым была составлена прокламация „Объявление рабочим Нового Адмиралтейства о злоупотреблениях администрации Нового порта“ для расклейки в Новом Адмиралтействе. В конце июня подпольная типография выпустила воззвание „Правое дело“ — 600 экземпляров, в котором указывалась неизбежность для рабочего класса политической борьбы.

В мае месяце 1897 г. приехала Колосова и увезла „Устав“ в количестве 500 экземпляров. За Колосовой в Новгород приехал Ильин и в два приема увез „Объявление“ и „Правое дело“ с приложенным к последнему стихотворением „Песнь рабочих“, а также 70 экз. „Устава“. Отпечатанный материал до его отправки в Петербург хранился на квартире Николая Алюшкевича. Эта квартира по Троицкой улице была главным складом для хранения изданий кружка „Союза борьбы“.

В том же 1897 году Талалаевым было получено письмо из Ярославля, от бывшего заведующего музеем Аксакова, который незадолго до того переехал туда. В письме Аксаков предлагал Талалаеву по окончании срока ссылки (а он должен был кончиться в сентябре месяце) занять должность заведующего фабричным столом в Ярославском Губернском правлении. Посоветовавшись со Змеевым, Талалаев принял предложение, имея в виду и в Ярославле развернуть революционную деятельность и организовать подпольную типографию. Из Новгородской типографии было решено выделить три части, ввиду ее богатства шрифтом, одну направить на юг, другую в Ярославль, а третью в Петербург. Это решение было согласовано с петербургским

¹ Красная Летопись № 3 (36) 1930 г. Ленингр. Истпарт, стр. 241—269.

„Союзом борьбы“ по линии Ильина и Сняtkова, для чего Змеев выезжал в столицу. Ярославская типография, как проектировалось, должна работать для Московского и Ивано-Вознесенского районов. Для совместной работы в Ярославле предполагался выезд некоторых товарищей из петербургского путилевского кружка. Газету „Трибун“ решено было выпустить в Новгороде в самые ближайшие дни. Талалаев типографию должен был передать Змееву, что он и сделал. Змеевым типография была направлена на квартиру Алешкевича.

Энергичная работа новгородского кружка „Союза борьбы“ под руководством старого рабочего, активного работника кружка петербургского „Союза борьбы“, вызвала большое беспокойство департамента полиции. Началась настоящая охота за типографией новгородского кружка и через небольшой период времени нити были установлены. Вот почему 20 августа 1897 г. директор департамента полиции Зволянский секретным пакетом выслал начальнику Новгородского губернского жандармского управления Кононову цитированное в начале письма, в котором сообщалось, что при производстве по Петербургу и некоторым другим городам наблюдения за членами „Союза борьбы“ были получены сведения, указывающие на существование в г. Новгороде „особого“ кружка, находящегося в непосредственном ближайшем сношении с петербургской организацией и на существование в Новгороде типографии, имеющей целью печатание газеты „Трибун“ и уже выпустившей воззвание „Правое дело“, доставленное в Петербург для распространения между рабочими. Письмо предлагало новгородским жандармским властям безотлагательно произвести ликвидацию упомянутого. Вместе с письмом в Новгород был командирован из Петербургского губ. жандармского управления подполковник Леонтьев с докладом о всех фактах, установленных наблюдением по настоящему делу, а также для производства обысков и арестов.

Вот как описывает агент охранного отделения Статковский в своем отчете начальнику охранного отделения раскрытие деятельности новгородской типографии.

„До июня месяца 1897 г. издание „Союза борьбы“, распространявшееся среди столичных рабочих, воспроизводилось только на гектографе, но в июне месяце в отделении был получен отпечатанный типографским способом экземпляр „Устава Центральной Союзной рабочей кассы“, причем на обложке „Устава“ было указано, что он напечатан в типографии газеты „Трибун“. Одновременно с этим были получены указания, что типография „Трибун“ находится вне С.-Петербурга, но недалеко, в одном из городов, название которого начинается буквою „Н“. Ясно было: в Новгороде, или же Нарве. Одновременно с тем было установлено, что замеченный в распространении вышеупомянутого „Устава“ рабочий С.-Петербургского порта Александр Ильин, выехав вечером в субботу 21 июня из Петербурга

по Николаевской жел. дор. на ст. Бологое, пересел в поезд Рыбинско-Бологовской ж. д. и поехал в Новгород. Прибыв рано утром в Новгород, Ильин отправился на Торговую сторону, зашел в один из домов, находящихся на окраине города. Спустя полчаса, Ильин вышел оттуда с неизвестным мужчиной и в 9 час. утра зашли в Исторический музей, находящийся в Кремле. Пробыв там полчаса, Ильин вышел с тем же неизвестным. Расставшись с ним на Торговой стороне после перехода через мост, уехал пароходом в Чудово и оттуда по Николаевской ж. д. в С.-Петербург. Ввиду этого не оставалось сомнения, что типография „Трибун“ находилась в Новгороде“. В целях полного определения ее места был командирован в Новгород чиновник отделения. Вот что писал в своем докладе этот чиновник, прибывший 2 июля из командировки: „Свидетельство с оставшимися в Новгороде филерами, я узнал от них, что неизвестный мужчина, посетивший с Ильиным Исторический музей, нигде более не показывался. Установить негласно, кто именно живет в Историческом музее и кто заведует им, не удалось. Я решил лично посетить музей. Дверь оказалась незапертой и я вошел в переднюю, в которой никого не оказалось. Я окликнул, есть ли кто-либо в помещении. На мой оклик, в довольно узком коридоре показался молодой человек. Подойдя ко мне и разглядев меня, видимо, смутился и, стараясь скрыть смущение, спросил, что мне угодно. Я тоже несколько смутился, так как личность молодого человека была знакома мне по С.-Петербургскому университету. Скрыв в свою очередь смущение, я спросил его, можно ли осмотреть музей. Молодой человек ответил утвердительно и извинившись, что сторож куда-то услан, запер на замок вторую дверь и предложил мне подняться на второй этаж. Ну, думаю, заведет он меня куда-нибудь, где вдвоем или втроем проучат меня за разную подпольную типографию. Во время осмотра в музее исторических вещей и предметов я собирался решить два вопроса: где именно находится типография и как фамилия молодого человека, который считался консерватором музея? После осмотра мы сошли вниз. Здесь консерватор предложил мне расписаться в посетительной книге. Я расписался „Петровским“. Поблагодарив молодого человека, я ушел из музея, купив при выходе каталог всех предметов и вещей, находившихся в музее. Просматривая в номере гостиницы каталог и узнав, что музей в будни открыт для осмотра с 11 час. дня, а по праздникам с 12 час., я пришел к убеждению, что Ильин с неизвестным мужчиной (Алешкевич) приходил не для осмотра музея, а по личным и вероятнее всего по партийным делам. Стало быть, никакого сомнения нет, что если типография „Трибун“ находится в Новгороде, то она может храниться только в помещении музея. В следующую ночь я уехал в Петербург. Явившись в отделение, сейчас взял альбом с фотографическими карточ-

камн студентов Петербургского университета и вскоре установил, что консерватор Новгородского исторического музея есть бывший студент Петербургского университета Василий Тимофеев Талалаев, привлекавшийся уже к дознанию за печатание прокламаций и проживающий под гласным надзором полиции в Новгороде. Вслед за тем в Новгород был командирован с необходимым числом филеров помощник начальника охранного отделения ротмистр Мочалов. Наблюдением за Талалаевым установлено было его сношение с группой лиц, составлявшими в Новгороде революционный кружок, поддерживающий деятельное сношение с группою сообщников, проживающих в Петербурге¹.

Таким образом, жандармы напали на след и в ночь на 22 августа 1897 г. по этому делу в Новгороде были арестованы: Талалаев, Змеев, Алешкевич, Яшкин, Яшкина, Александров, Дерябкин и другие. Политических ссыльных немедленно направили в Петербург, а местных посадили в Новгородскую тюрьму.

По делу новгородской типографии Талалаев был сослан в Восточную Сибирь на 5 лет, а Змеев туда же на 3 года и, по официальным сведениям, погиб в первый же год своей ссылки в селе Биргольском, Верхотенского уезда, весною на охоте. Вместе со Змеевым был сослан и Н. Алешкевич, также на 3 г. Яшкин был сослан на 3 года в Вятскую губ. Другие члены кружка были осуждены на разные сроки.

Новгородский кружок „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, основанный во второй половине 1896 г. и тесно связанный в своей деятельности с кружком „Союза борьбы“, работавшим в Петербурге, сыграл большую роль в истории рабочего движения Новгорода.

Надежды самодержавия на „древний и тихий“ Новгород не оправдались. Великая всепобеждающая теория марксизма ломала все старое и поднимала на борьбу все новые слои рабочего класса.

Новгородский кружок „Союза борьбы“ проделал большую пропагандистскую работу и оказал активную помощь петербургскому „Союзу борьбы“.

Так революционный опыт петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ давал возможность выращивать новые кадры революционных, марксистски подготовленных руководителей из среды рабочего класса.

Великая победа социализма в СССР явилась завершением той исторической борьбы, которую пролетариат России начал в 90-х годах XIX века под великим знаменем Маркса—Ленина—Сталина.